

БОРИС МИХАЙЛОВ

Встреча с любимой из юности

Борис Михайлов

Встреча с любимой из юности

«Издательские решения»

Михайлов Б.

Встреча с любимой из юности / Б. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900714-8

Реальная история о неразделенной любви русского рабочего парня и дочери богатого немецкого промышленника. Тайну своего рождения детдомовец Сева Васильев узнает в 26 лет, в 1970 году. Отец немецкий оккупант. Чтобы избавиться от позора, мать сдала его в детдом. Сева едет в Германию разобраться и влюбляется в светскую красавицу Марику. Её родители прерывают разворачивающиеся отношения, и он возвращается на родину. Через 40 лет Марика находит Севу — известного ученого.

ISBN 978-5-44-900714-8

© Михайлов Б.
© Издательские решения

Содержание

Нежданное письмо	6
Стародубск	8
Васильевка	11
Егор Иванович	13
Загадочная фотография	16
Ответ из Германии	19
Проводы Севы	22
Москва, отъезд	26
Встреча с отцом	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Встреча с любимой из юности

Борис Михайлов

© Борис Михайлов, 2018

ISBN 978-5-4490-0714-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис Михайлов

Журналист и писатель, автор нескольких книг о коллегах. Среди них «Женщины наших грез» («Провинциальные страсти времен Ельцина»), «Конформист» (Мемуары журналиста о времени и профессии). Автор нескольких любовных романов и пьес, в их числе популярный роман «Девчонка из Самары покоряет Рублёвку». В США издана книга «The transformed Lives» об истории русского протестантизма, перевод с «Преображенные жизни» московского издательства «Триада». Несколько книг изданы в «Ridero». Живет в Петербурге.

Нежданное письмо

Во двор многоэтажного Петербургского дома въехала легковушка «Форд – фокус» и остановилась на закреплённом за ней пяточке асфальта, разлинованного общим советом жильцов дома. Припарковав машину на ночь, Всеволод Иванович Васильев, высокий стройный мужчина слегка пенсионного возраста, вошел в подъезд, поднялся на лифте, и своим ключом открыл квартиру.

– Есть кто живой, почему не встречаете? – как обычно, весело закричал он, приветствуя домашних. Никто не отозвался. Он неторопливо снял туфли, надел домашние тапочки и направился в ванную. По пути заглянул в гостиную и поразился – жена, оказывается, дома. Возбравшись с ногами на диван, Лена держала в руках письмо, и плакала. Возвратившегося мужа заметила не сразу. Всеволод Иванович подошел к жене, поцеловал в висок.

– Что случилось, от кого письмо?

Женщина вытерла слезы, повернулась, показала конверт. Он успел рассмотреть латинские буквы обратного адреса, «Марика Мейер, Бонн, Германия». Сердце учащенно забилося. Письмо это ждал и не ждал полвека.

– Я испугался, от мамы, еще от кого-то из наших.

– Всю жизнь обманывал! Столько лет! Коллеги немецкие приезжавшие в Питер, передали твой адрес?

Продолжая всхлипывать и вытирать слезы, жена протянула ему письмо.

– Читай. – Короткое письмо было на русском языке. Волнуясь и смущаясь жены, Всеволод Иванович принялся читать. Лицо озарила улыбка. Память вернула к событиям почти полувековой давности. Увидел автора письма, Марику, своего отца – господина Курта фон Клуге, переводчицу Амалию, апартаменты, в которых жил, бассейн. Как мозаика в калейдоскопе, всплывали картины из прошлого... Голос жены вернул в сегодняшний день.

– Написал ей с немецкими коллегами?

Всеволод обнял жену, попытался поцеловать, но она оттолкнула и отодвинулась.

– Не подходи! Всю жизнь скрывал, в Германии у тебя любимая женщина. Считала, всё о тебе знаю... Ты шпион! Признайся! Может фамилия и паспорт у тебя чужие?

– Шпион, – Всеволод рассмеялся. – Похож, на шпиона? Смешно! Свихнулась от ревности. Сколько лет прожили, не замечал раньше.

– Самый близкий человек. Отказывали себе во всем, чтобы университет закончил, аспирантуру. За машину с долгами никак не могли рассчитаться, а муж оказывается жил двойной жизнью. – Всеволод снова старался обнять жену. Она решительно отталкивала. – Отойди! Лгун! Видеть не могу!

– Были знакомы задолго до встречи с тобой. И знакомство наше продолжилось всего около месяца. Почему не рассказал? Повода никогда не находилось. Да и не хотел делиться не очень приятными фактами в моей жизни. Вычеркнул из памяти события и людей, с кем на миг столкнула судьба полвека назад.

Из письма Марики Лена узнала, что дни, проведенные с Севой, лучшие в ее жизни. Она все еще его любит, не меньше, чем в юности.

– Сколько лет этой Марике? – спросила Лена, продолжая вытирать, не останавливающиеся слезы.

– На три года моложе меня.

– Значит, шестьдесят три. Для европейской женщины не много. Тем более богатой. Неспроста вспомнила, нашла... Возможно, планы на тебя имеет... Когда виделись в последний раз?

– Я же сказал, – он замолчал, подсчитывая прошедшие годы. – Сорок два года назад.

– Она писала тебе?

– Какие контакты могли быть с жителями Западной Германии при советской власти!

– А с началом перестройки?

– У меня уже была ты, дети росли. Никто не был нужен мне.

Всеволод преодолел сопротивление жены, обнял её, прижался к заплаканному лицу. Мысли его еще были в прошлом, а Лена всё ждала. И он заговорил.

– С Марикой познакомили, в далеком теперь, семидесятом году, в Бонне. – Помолчав, прибавил. – В Германии.

– Слава богу, в школе учила, Бонн в Германии, и до падения Берлинской стены, столица ФРГ. Твоя Марика вспоминает Лондон, Англию.

– Какая она моя?

– Подписалась «Твоя Марика». Из разговоров родителей, помню, в семидесятые годы кроме как, в так называемые социалистические страны, советские люди не ездили туристами. Даже в Болгарию обязательно группами. Ты со своей немкой, выходит, свободно разъезжал по Германии, оказался в Лондоне. Если не шпион, не служил в разведке, каким образом? У тебя подписка не разглашать секреты прошлой работы? Признался бы, я всё поняла. Может, все-таки шпион, засланный в Россию.

– Конечно, шпион! Кто же еще? И не Васильев я, а мистер Василёв.

Поразмыслив, Лена, продолжила.

– Не шпион, точно. Загнула от волнения. Шпионы не живут в нищете, как мы, большую часть жизни. Все же, кто такая, Марика?! Как познакомились, что было у вас? Расскажи всё.

Всеволод понял, жена не успокоится, пока всё не узнает и задумался.

«Насколько всё? Поделиться тем, что храню в себе, не позволяя никому притронуться к памяти коротких счастливых дней из всей длинной жизни? Признаться, что прекрасных мгновений, переживших когда-то с Марикой, все еще не могу забыть? Поделиться несбывшимися мечтами? Позорным фактом биографии, родился от немецкого офицера – оккупанта...»

– Длинная история и долгая... Впервые её увидел в доме своего отца, – заговорил Всеволод, и Лена перебила.

– Говорил, сирота, в детдоме вырос, а оказывается, в Германии у тебя отец.

– Умер давно... Давай, вначале поужинаем. История длинная, рассказывать придется долго. Если не начать с предшествовавших событий, не поймешь всего.

– Думаю, стоит ли тебя кормить! Сколько лет скрывал свое прошлое! – Она поднялась с дивана и пересела в кресло. – Не умрешь с голода, рассказывай! Мы никуда не торопимся.

Всеволод понял, жена не успокоится, пока узнает всего... После письма Марики, кушать не хотелось. Ужин можно перенести. И он заговорил, воскрешая в памяти события, изменившие всю его последующую жизнь.

Стародубск

Жил он, в тот год, в небольшом районном городке Стародубске. Крутая перемена в жизни случилась несколько раньше основных событий знаменательного года. В начале осени в командировку на завод, где они с Ларисой работали, приехал столичный ловелас, вскружил жене голову, и она оставила Севу. Своё решение оправдывала, не сходясь характерами, отношением к жизни. Сева слишком прост. Работяга, токарь в заготовительном цехе, бригадир станочников, а она – инженер в конструкторском бюро, человек творческой профессии. Увлечение москвичом завершилось банально. Возвратившись в Москву, забыл влюбленную провинциалку. Вернуться с повинной к мужу, просить прощения, не стала. Достаточно хорошо узнала Севу за три года совместной жизни – не простит. Он, и правда, не простил, выкинул из сердца, вычеркнул из памяти. Лариса вернулась к матери, Сева остался в комнате, ключи от которой им от завода вручили на комсомольской свадьбе. Вторую комнату занимала семья инженера, мечтавшая, после ухода Ларисы, выпроводить и его, стать полноправными хозяевами двухкомнатной квартиры.

С уходом жены, побежали скучные будни, похожие друг на друга. Одна радость, осталась собственная комната, куда постоянно приходили друзья и скрашивали одиночество. Однообразие жизни нарушали дни аванса и получки. Два этих праздника Сева с друзьями отмечал и при Ларисе, и когда остался один. Так и жил бы дальше, как вдруг привычный распорядок жизни нарушился.

...Дождливым весенним днем, по-холостяцки коротая с приятелями воскресный день, за бутылкой, они обмывали премию. На столе нехитрая закуска: квашеная капуста, вареная картошка, банка венгерского «Лечо», бидон с пивом и сушеная рыбешка.

– За премию выпили, за здоровье и удачу тост подняли, а за детский дом? Давай за него и всех наших! – предложил, общий друг с детских лет, Костя.

– За всех наших! – поддержал Сева.

– За нас! За всех, кому детский дом заменил родителей и семью! – согласился Володя, чокаясь с друзьями. – Заезжал недавно. Охренеешь, как увидишь, кого растят там сегодня. Полный беспредел, бардак! Что воспитатели, что воспитанники, – вспомнил Володя. – Почти у каждого жив один из родителей. Отцы – алкаши на зоне, матери – шалавы, лишённые родительских прав. А шкодят! Белым хлебом кидаются. Девчонки за деньги одалживают друг дружке шмотки поносить, представляете?.. Директорша отпускает старшеклассниц к богатым папенькам.

– Мне рассказывали, после тринадцати – четырнадцати, ни одной целки, – заметил Костя.

– Другое время, – согласился Володя. – Нам счастьем казалось только прижать в углу девчонку, поцеловать.

– А в ответ оплеуху получить. Мы дети войны. Дети голодного времени.

Костя взял гитару, подстроил струны и запел. В прихожей раздался звонок, и Сева вышел открыть.

– Наконец-то! – встретил он Сергея. – Думали, заблудился или увели в другую компанию.

– Очереди везде.

На звонок в коридор вышел сосед, смерил парней возмущенным взглядом.

– Сколько раз обещал поставить отдельный звонок! – выговорил Севе, и вернулся в свою комнату. Сергей достал из карманов рабочего полушубка две поллитровки, банку рыбных консервов, кулек конфет, разделся и сел за стол.

– Долго ты. Собирались жребий кинуть, кому на помощь идти, – Костя отложил гитару, ловким движением сорвал крышку с бутылки и разлил по стаканам. – Что, мужики, продолжим?

– Бригадир, тост, – предложил Сергей.

– На заводе бригадир. В тостах Володька специалист, – отказался произнести очередной тост, Сева.

– Доверяете? Тогда, чтобы никогда не кончалась! – объявил Володя, подняв рюмку с водкой. – Поехали! Не будь этой радости, как бы жили?

От семейной жизни у Севы осталась посуда, и большой набор бокалов, рюмок, разных размеров стаканчиков для коньяка и водки, позволявшие растягивать удовольствие. Пошел обычный мужской разговор.

В прихожей опять раздался звонок. Когда Сева оказался в коридоре, сосед уже впускал жену Нину. Она передала ему тяжелую хозяйскую сумку, перебрала стопку газет и протянула Севе конверт.

– Странное письмо тебе.

Малограмотной рукой на конверте было выведено: Васильеву Елисею Егоровичу. Сева повертел письмо. Фамилия его, адрес, а имя... Вернул письмо Нине.

– Ни мне. Какому-то другому Васильеву.

– И не нам. Будешь идти мимо почты, занесешь.

Сева вернулся к себе и, бросив письмо, присоединился к друзьям.

– От кого малява? – спросил Сергей.

– Черт его знает. По ошибке занесли. Адрес и фамилия мои, а имя отчество – чужие. Уж сколько лет, никто не пишет!

– Мне и по ошибке не шлют. Как перестали искать родителей, никаких писем.

Володя снова налил, и они выпили. Разговор перекинулся на юную подружку Севы – Надю. Костя, взяв гитару, запел окуджавскую «Ах, Надя – Надечка».

Друзья подтянули.

– Окончательно завязал? – удивился Сергей. – Не отходил от её станка, теперь не замечаешь.

– Давно бы, – поддержал Костя, и отложил гитару.

– Специально что-нибудь отвернет на станке, повод позвать бригадира, – заметил Володя.

Спели весь знакомый репертуар, снова разлили, выпили, и заговорили о работе. Русская особенность, на отдыхе, за выпивкой, обязательно вспоминать работу. Особенно горячился Костя, доказывая Сергею свои аргументы.

– Какой смысл ему обманывать? Все решается в бюро труда и зарплаты, в цех спускают готовые цифры.

– Не будь тряпкой, доказал бы.

Друзьям, работавшим в одной бригаде, нововведение грозило снизить заработки. Сева с Костей и Володя успели обсудить решение начальства пересмотреть нормативы. Теперь объясняли отсутствующему Сергею. Пока спорили, взгляд Севы остановился на конверте. Писем в обычных конвертах не получает давно – не от кого. Ответы на поиски бесследно потерянных в войну родителей или кого-то из родственников, перестали приходить. Часть детдомовских друзей, что разъехалась по стране, о себе изредка напоминали открытками к празднику. Большинство остались в Стародубске, как и Сева работали на заводе. Постоянно встречались в Доме культуры или какой-нибудь забегаловке.

На трезвую голову Сева не решился бы открыть подозрительный конверт, сейчас любопытство победило, и он осторожно вскрыл письмо.

«Здравствуй, уважаемый Елисей Егорыч! С поклоном тебе и твоей семье, пожеланиями здоровья и успехов, крестница твоя Агафья Ерёмкина. Ты, Елисей Егорыч, вряд ли меня помнишь. Живу я в соседстве с матушкой твоей Лизаветой Петровной. Совсем плоха Лиза. До Пасхи не протянет, – сказал доктор. Лиза упростила написать тебе и Егору Ивановичу. „Пусть приедут. Перед смертью у Елисейки и Егора прощения попрошу“. А я, скажу, отмолила

она грехи свои. Война виновата. Ежели, ни немец проклятый, жить бы вам вместе. Стоял бы нынче с Егором и братиком, или сестричкой у постели матери», – волнуясь, читал Сева, с трудом разбирая каракули. С каждой строчкой сердце билось сильнее, и, хотя имя —отчество не его, интуиция подсказывала: письмо адресовано ему. Елисей Егорыч – он!

Спор о новых расценках незаметно угас, и Костя повернулся к Севе.

– Кому письмо, разобрался?

Сева молча протянул его Косте, тот долго читал, а потом передал Володе.

– Скорее всего, ошибка. Не могла двадцать пять лет молчать! Нет, даже больше.

– Всеволод Иванович я, а никакой ни Елисей Егорыч.

– Что касается имени – отчества, большинству из нас, их придумали в детдоме.

– С именем, конечно, не увязка, – заметил Володя, продолжая разбирать каракули послания. – Но деревня Васильевка и фамилия Васильев, в этом что – то есть. Не думаю, случайное совпадение.

Оставив разговоры о работе, парни переключились на обсуждение загадочного письма.

– Тебе письмо! Поезжай сейчас же! Разберись, – подвел итоги спора Сергей. Костя опять взялся за гитару и запел «Мама, милая мама». Сева посмотрел на часы.

– Поздно. Завтра отпрошусь и махну, – согласился он. – За тысячи километров мотался, а тут под боком, два часа езды. Володя разлил остатки водки и провозгласил.

– За твою маму! Дай Бог, чтобы судьба, улыбнулась тебе!

– За встречу! – отложив гитару, прибавил Костя.

Ребята посидели еще и разошлись. За окном давно наступила ночь. Оставшись один, Сева заново перечитал письмо. В документах он писал «родители погибли в войну», и сколько себя помнил, жизнь была связана с детским домом. Сейчас перед глазами неожиданно всплыли смутные картины деревенской улицы, огромная худющая собака и такая же худая и злая женщина. Она беспрерывно отпускала подзатыльники. Никогда раньше память не возвращала к этим картинам, а теперь вдруг вспомнилось. Возможно, видел что-то похожее в кино или читал. Случалось, детей забирали из детского дома. У кого-то находились родители или родственники, братья с сестрами. Другие, уже взрослыми, через Всесоюзный розыск и радио Агнии Барто нашли близких. Севе не повезло.

Ни о чем, кроме как о завтрашней встрече, теперь не думалось. Ругал себя, что не вскрыл конверт сразу, возможно, сегодня успел бы поехать. Представлял, как выглядит больная мать. «Письмо шло несколько дней, успею застать живой? Кто такой Егор Иванович? Очевидно отец, раз назвали в письме Елисеем Егоровичем. Всеволод или Елисей в деревне не разбираются» – размышлял он, и не находил себе места. Выпить бы, да все кончилось, а выходить под дождь не хотелось. Рано лег и долго не мог заснуть. Вспоминался детдом, друзья. Снова мелькнула картина деревни и собака, худая женщина, хворостиной стегающая его.

Васильевка

Сорваться с работы удалось лишь после обеда, и надеялся добраться до Васильевки еще засветло. Второй час тряся Сева в автобусе и думал о предстоящей встрече, вспоминал другие поездки. Сколько их было! Списывались, все сходилось, оставалось обняться с матерью или отцом, как в последнюю минуту выяснялось – ошибка, случайное совпадение.

Старый львовский автобус трещал, грозил развалиться, переваливался с боку на бок на разбитой проселочной дороге. В проходе в такт звенели бидоны из-под молока, катались сумки и кошелки, возвращающихся из райцентра, деревенских бабок. Постоянный звон и громкие разговоры, не отвлекали от мыслей о встрече, возможно с матерью.

За окном начинало темнеть, когда, перед очередной остановкой, водитель громко объявил.

– Васильевка, бабоньки, не проспите!

– Уснешь с тобой, – незлобно ворчали старые женщины. – Всю душу вытряс на своей таратайке.

Попутчицы из автобуса помогли найти дом Агафьи Ереминой, что прислала письмо. Она не удивилась Севе, будто знала, приедет сегодня.

– О, какой вымахал! Помню пацаненком. Встретила бы, ни за что не узнала. Наш участковый подсказал, как найти, и, смотри, – приехал. Писала, не верила, дойдет письмо. Да что я с тобой все балакаю. Пошли к Лизе.

Еремина привела Севу в избу матери. Из-под грязного абажура с кистями, едва светила тусклая лампочка, перед иконой коптила лампадка. В полумраке Сева с трудом разглядел больную. Елизавета Петровна лежала на железной кровати, с когда-то блестящими шарами на спинках, придвинутой к стенке. Агафья Никитична силой усадила Севу на краешек, не первой свежести простыни, у изголовья больной.

– Ганя, поверни меня, – еле слышно попросила она.

Никитична развернула больную, чтобы могла видеть сына.

«Неужели мать»? – Увидев старую больную женщину, Сева смутился, не знал, как держаться. Родственные чувства не отзывались в душе. Застоявшийся затхлый запах, давно не проветриваемого помещения, полумрак, убогая обстановка – всё вызывало протест.

– Почему решили, я ваш сын?

– Елисейка! Елисеюшка! – шептала женщина. – Я твоя непутевая мать. Прости... Не стоило звать. Знала, не надо... Не утерпела. Очень хотела увидеть, как ты... Прости... – Прости сыночек! – Она замолчала.

– Да, да... Я все понимаю, – прошептал Сева, тронутый мольбой женщины, в которой едва теплилась жизнь. Сыновние чувства не проснулись в нем, переполняла лишь жалость. Мать или не мать, перечить в такую минуту Сева не решился.

– Все будет хорошо. Лежите.

Больная опять зашевелила губами, Сева с трудом разбирал слова.

– Не хотела позора, Елисейка. Затравили тебя в деревне.

– Злые люди у нас, – подтвердила Никитична. – Рос симпатичным пацаненком, похожим на всех Васильевых, а люди, показывая на тебя, кривились: немецкое отродье, фрицево семя.

– Сейка, Сейка, – простонала больная и откинула голову.

– Доктора! Есть у вас доктор? – закричал испуганно Сева.

– Фельдшар. Доктор не приедет. Не жилец Лиза, сказал, – Никитична поправила больную, приподняла подушку. – Отойдет, родимый, отойдет. Фельдшерица укол сделает. Пойдем, покуда ко мне.

Сева уставился на умирающую, и не слышал Никитичны. Его ли мать, чужая, все одно, жалко старую, изможденную нелегкой жизнью, больную женщину. Вспомнил, какой представлялась мать в детдоме: молодая, красивая хохотунья в платье в синий горох, как у Светланы Агеевны, учительницы в первом классе. Никак, не старой и жалкой.

– Пошли, я сноху пришлю к Лизавете.

Никитична ушла, а он все сидел, не в силах оторвать взгляда от умирающей. «Неужели она и есть мать, которую искал всю жизнь»? Пришла молодая женщина, взяла Севу за руку.

– Пойдемте.

Он неохотно подчинился и пошел за ней в соседний дом.

В избе Ереминых Севу встретил яркий свет и уют. На полу домотканые коврики, на окнах цветы, телевизор «Рекорд», завешенный салфеткой. В сравнении с домом Елизаветы Петровны здесь жили богато. Сын Никитичны Петр радушно встретил Севу. На столе появилась бутылка самогона, соленья. Агафья Никитична накрывала на стол и рассказывала.

– Егор вернулся с фронта, увидел, в семье пополнение, и подался в город. Лизке тут прохода не дают. Немецкая подстилка, шлюха. Пацаны в тебя камнями, как в паршивую собаку. Ну и надумали отдать в детский дом. Вместе отвезли в Стародубск. Егор и нынче не приехал. Отписала ему: Лизка помирает, приезжай. Не простил. Не приехал. Вот они, мужики, никакой жалости! До войны счастливее пары в селе не было.

Петр тем временем наполнял стакан за стаканом, Сева пил и не хмелел. Больше он не сомневался мать или не мать. Никитична вспоминала новые подробности.

– Фашистское отродье, фриц, – заплетающим голосом повторял он за Никитичной. – Отро-о-дье! Были такие в детдоме. Лупили их! За дело и так. Фриц! Понимаешь, Петя, я фриц? – спрашивал он сына Никитичны.

– Ты-то разве виноват? Война, – успокаивала Никитична.

Сева уронил голову на стол. В голове шумело, мысли путались, не отпускала главная, он немецкое отродье. Умиротворенного спокойствия, пьяного безразличия не наступало.

– Заварила, мать, кашу! Сами не схоронили бы? – выговорил Петр матери, когда Сева задремал, или замолк надолго.

– Лиза упростила. Всю жизнь держалась, а нынче не стерпела. Сколько отговаривала!

– Видел, как отговаривала. Жил парень нормально, смирился, родители погибли. Может героями. Теперь... Фрицево семья. Как будет жить дальше? Ой, бабы...

К утру, Елизавета Петровна умерла.

Егор Иванович

День похорон выдался по-осеннему дождливым и холодным. Сельское кладбище, окруженное островком тополей и голых берез, с вороньими гнездами, довольно далеко от села, на взгорье. Когда-то стояла здесь и небольшая церквушка, остались одни стены. Мужики привезли на телеге гроб, с десяток старушек вынуждены были тащиться в гору пешком. Могила для Елизаветы Петровны выкопали рядом с тремя молодыми березками, тесно прижавшимися друг к дружке. Никитична всплакнула. Сева с утра был в изрядном подпитии и, теперь, обняв березку, не очень понимал, что происходит. Одна из женщин подсказала бросить горсть земли на гроб матери, и он кинул несколько комьев, вытер руки о куртку.

Поминки с даровой выпивкой собрали в избу Агафьи Никитичны однолеток Лизы и молодых, не знавших покойную, но охочих выпить на дармовщину. Односельчане постарше вспоминали её мужа Егора Ивановича, войну и немцев. О Лизе говорили мало, больше волновали сегодняшние дела, приближающая посевная. С любопытством рассматривали Севу, шептались с Никитичной. Сева был здесь чужой. События последних дней для него развивались слишком стремительно, чтобы осознать всю их значимость. Даже когда односельчане подтвердили, что Лиза отдала в детский дом ребенка, зачатого от квартировавшего немецкого офицера, Сева не примирился с правдой.

Егор Иванович тоже получил от Агафьи Никитичны письмо, с просьбой приехать проститься с Лизой. Найти его не составило труда. После войны он осел в районном центре. Партийный фронтовик, быстро пошел в гору, стал членом райкома партии, занимался заготовками сельхозпродуктов от населения и был известным человеком в районе. Женился. Односельчане Лизы часто встречали его фамилию в районной газете. Не раз приезжал по делам и в Васильевку, но, ни с кем из бывших знакомых, не встречался. Лиза тоже не искала с ним встреч.

До войны танковая часть Егора, недалеко от Васильевки, проводила учения и вечерами красноармейцы заполняли село. До утра заливалась гармошка. На танцах Егор и познакомился с деревенской красавицей Лизой. Симпатичная бойкая девушка увлекла танкиста. Демобилизовавшись, Егор вернулся в Васильевку трактористом, позже заведовал мастерскими в МТС. Три дня гуляла Васильевка на их свадьбе. Молодые построили дом и зажили припеваючи. Завидная сложилась пара. Дитя завести не успели, началась война, и Егор в первые же дни ушел на фронт. Судьба оказалась благосклонна к нему, несколько раз несерьезно ранили, и, отвоевав до последнего дня, вернулся невредимым. А дома встретили горьким известием, жена спуталась с немецким офицером и приготовила «подарок». Как ни любил Егор жену, простить не мог, и в первый же вечер уехал к матери в Стародубск, где от позора ушел в долгий запой. Новые друзья – собутыльники вместе с ним кляли Лизу, утешали, что весь женский род таков.

После похорон матери, Сева разыскал Егора Ивановича. Никитична подсказала, как найти.

Встретились в пивной у рынка. Разговора не получилось. Егор Иванович пришел «на взводе».

– Ты извини, я, выпивши, шабашку провернули.

Сева понял, вряд ли чего-то вразумительного добьется от Егора, но откладывать разговор, не стал.

– Что у матери было с немцем? Он её изнасиловал?

– Не от немца, от нашего понесла бы. Не терялась, пока я на фронте немца гнал.

Егор заметил за соседним столиком дружка, оставил Севу, и направился к нему. Приятель плеснул ему в пиво самогонки, они чокнулись и выпили. Егор вдруг вспомнил о Севе, подозвал и представил дружку.

– Мог быть сыном!.. Налей ему.

Приятель достал из-за пазухи бутылку с подозрительной жидкостью. Сева, прикрыв рукой кружку, отказался.

– Брезгуешь. Понятно! Мать свою забудь и никому не рассказывай! Хватит мне позора.

И Сева не стал посвящать в свою историю даже близких друзей. Сказал, что мать умерла при нем и всё. Сумей заставить себя смотреть на мать глазами Егора, всё стало бы проще, но Сева не мог. Глаза матери, голос преследовали. Сердце подсказывало, не смеет судить мать. Никитична тоже жалела её, во всем винила войну.

Воскресным весенним днем Сева приехал в Васильевку на «сороковины». Мысли о матери не оставляли, хотел разобраться, понять её, может и простить.

Сходил на кладбище. В солнечный день здесь красиво. Если бы не кресты, ощущение, что ты в весенней березовой роще. Деревья покрылись первой яркой зеленью, над гнездами кружили вороны, прострекотала и улетела сорока. Природа пела и радовалась весне, не напоминала о скорбном месте. Сева постоял у могилы матери, побродил среди покосившихся крестов над другими могилами. В них лежали и его родственники. На размытых дождями дощечках наткнулся не на одну фамилию Васильевых. Над невысоким бугорком – могилой матери торчал временный деревянный крест.

Сева спустился с пригорка, где раскинулось кладбище, и пошел в деревню. Обошел несколько изб, поговорил со старухами, нашел домик послевоенной «председательши» колхоза Марии Ивановны. «Побалакать» с ней советовали старухи. Пришлось сделать крюк и преодолеть по узкому мостику из досок, брошенных в грязь, раскисшую в весеннем половодье, улицу. Он постучал в окно, занавеска отодвинулась, и выглянула седенькая старушка. Она долго изучала гостя, прежде чем вышла встретить.

Мария Ивановна давно отошла от колхозных дел, прошлое виделось ей не таким горьким, как на самом деле. Охотно вспоминала свое председательство, бесчисленные хозяйственные и пропагандистские кампании. Севе не сразу удалось повернуть разговор на интересующую тему.

– Не сладко сложилась жизнь у Лизаветы. Девчонкой с родителями и старшими братьями сослали в Сибирь. Посчитали кулаками, а какие они кулаки? Просто работающая семья. Там и сгинули все мужики, а Лиза с матерью в тридцать восьмом или тридцать девятом вернулись в село. Дом их забрали под колхозную контору, жить устроились у родственников матери.

– Все это до войны, а потом?

Мария Ивановна налила себе из электрического самовара вторую чашку, достала из буфета очередную банку с вареньем.

– С малинкой попробуй. Лесная. – Она подлила ему чаю и продолжала вспоминать. Добрая была Лиза. Всякую животину любила. Собак в дом тащила, кошек, птенцов выхаживала. И немца раненого пожалела. Маша, мать её, к тому времени умерла. Хворая вернулась из Сибири, застудила внутренности.

– Мать любила немца, или он изнасиловал её? Как у них было, вспомните. – Сева с трудом остановил словоохотливую старушку.

– Нам, бабам, откроется разе... Год целый, может чуток меньше, хворый немец квартировал. Фрицы на мотоцикле каждый божий день приезжали. Продукты привозили, видать шишка был. Лиза потом полдеревни одаривала сладостями. Не жадничала.

Заметив, что Сева ничего не ест, чай стоит почти не тронутый, замолчала.

– Пирогов не попробовал, чаю не попил со старухой.

– Вы не беспокойтесь, все попробую. Скажите, мать он силой взял?

– Ой, паря! Задаешь вопросы! Лизка огонь – девка была. Столько времени без мужика, какой бабе не хочется? Согрешила. Ходила к бабке Насте избавиться от дитя, да видно уже поздно.

– Уверены, постоялец не изнасиловал её?

– Пристал, словно уполномоченный из райфо. Она мне докладывала? – вспыхнула бабуса, недовольная, что Сева все время перебивает. – Фриц хоть и немец, тоже мужик.

– Вы её оправдываете?

– Не мне судить. Поживешь с моё, поймешь... Крыжовничка попробуй, я чаю горячего налью. – Она вылила из его чашки и нацедила горячего. – Помянуть бы Лизу по-хорошему, по-христиански. Сбегаю, к соседям за бражкой?

– Спасибо, Мария Ивановна, я ухожу. Спасибо за чай и воспоминания. Не успокоили меня. Не сказали главного, любовь у неё с немцем была, или он изнасиловал?

– Хошь и любовь, что ворошить старое? Должен пожалеть мать.

– За любовь с фашистом, когда муж на фронте?

– С одной Лизкой, думаешь, такое? Другие скрывали стыд, избавлялись от немецкого наследства, а она пузо выставит и ходит по деревне.

Вместе вышли на крыльцо, попрощались, и тут старушка вдруг выдала:

– Чуть не забыла, после войны, много лет спустя, прошел по деревне слух, будто Лиза письмо получила из Неметчины. От того раненого немца. Правда, или болтали, теперь никто не скажет.

От Марии Ивановны Сева направился к Ереминым. Бригада строителей заканчивала разбирать бесхозный дом матери. На поминках он подписал бумагу с отказом от прав на дом. Мужики перетаскивали еще крепкие бревна, пилили, готовились переложить дом, который перешел в колхозную собственность.

– Елисеюшка, приехал! – запричитала Агафья Никитична, встретив его. – Молодец. А я думаю, приедет помянуть или не вспомнит. Сегодня сорок дней, как Господь призвал Лизавету. – Они прошли в горницу. – На могилке был? Вода спадет, я приберу, цветочки высажу.

Сева спросил, что знает о письме, полученном матерью после войны из Германии, упомянутом Марией Ивановной,

– Мне Лиза не рассказывала. Сама третьего дня узнала о письме. От кого, что в нем, не ведаю. И от немца ли раненого, что поселили у неё, не скажу.

Никитична достала из буфета и протянула завернутую в тетрадный листок фотографию и мятый конверт. – Нашли давеча, как разбирали избу. Забрала, подумала, приедешь – покажу. Может заинтересует тебя.

На снимке был немолодой мужчина с тросточкой в садовой аллее, в конце её белело какое-то строение, Сева прочитал на немецком «Бонн, 1962». Он повертел фотографию, изучил конверт, довольно потрепанный, но с читаемым обратным адресом «Господин Курт фон Клуге, Бонн. ФРГ», выругался.

– Сволочь, поганая! Письмо где?

– Кто знает, где Лиза сховала? Может еще найдется, когда закончат разборку сруба и переберут все бревна, – предположила Никитична. – Рабочим наказала, найдут какие бумажки, чтобы не жгли, отдали мне.

– Все уж разобрали, и мусор сожгли, – откликнулся Петр. – На кой, вам письмо? И конверт с фоткой собирался спалить, да ты, мать, перепрятала.

– Похож гад на материного постояльца?

– Столько лет прошло... Тот всегда в немецкой форме был.

– Хотела, чтобы во французской? – съязвил Петр и, забрав у Севы фотографию с конвертом, собрался бросить в печь. Сева едва успел перехватить его руку. – Фриц тот давно Богу душу отдал, а вы носитесь, как с героем, – заметил назидательно. – Напишешь этому засранцу?

– Убью гада, если жив! – ответил Сева, продолжая рассматривать снимок. Агафья Никитична продолжала накрывать на стол, Петр достал традиционную бутылку.

Загадочная фотография

Дом матери полностью разобрали, рассортировали бревна. Сожгли, что не пойдет в дело, письмо не нашлось. «Возможно, мать сама уничтожила, а фото оставила. Почему тогда сохранился конверт»? Ничего нового Агафья Никитична с Петром не узнали.

Долго держать новости в себе, Сева не смог. Выговориться, поделиться с близкими, требовала душа. Как жить дальше? После долгих колебаний решился поделиться с Николаевыми. Юра и Галя выросли с ним в детском доме, позже поженились и продолжали дружить с Севой.

Друзья выслушали, посочувствовали, и с интересом рассматривали фотографию господина Клуге. Сева пока играл с детьми. Шестилетнего Вовку посадил на шифоньер, сам на четвереньках катал Иринку. Дети визжали от восторга, и, Сева был счастлив.

– Что ты напишешь? – отложив снимок, спросил Юрий, передав снимок жене. Он идею не одобрил. – Надеешься узнать правду?

– Спрошу, что у него было с матерью, – любовь, или изнасиловал её. Если отец, обматерю по-нашему, по-русски! – Помолчав, прибавил: – Попрошу немку из вечерней школы написать гаду.

– Так он и ответит! На фига тебе все это? Затаскают по инстанциям, в органы вызовут. Неприятностей не оберешься, – трезво оценила обстановку Галя, вернув Севе фотографию. – Восемь лет снимку, жив ли немец – вопрос. Адрес какой-то короткий, не полный.

«На фига» Сева и сам не знал. Какое теперь имеет значение, в любви ли родила мать, или была изнасилована? Родился от немца, сомнений больше нет. «Вспомнил русскую девушку и написал? Тогда выходит, относился к ней хорошо, возможно и любил. А изнасиловал если, так не признается. Почему решили, письмо от немца-постояльца? Кто еще мог писать из Германии, да еще фотографию прислать? Не успокоюсь, пока не выясню. Напишу обязательно!»

Поговорив с Николаевыми, Сева долго еще ни с кем больше не делился. Прошло какое-то время, и он проговорился своей юной подруге. Не собирался – слишком молода, чтобы понять или что-то посоветовать. Обстоятельства сложились, что пришлось рассказать.

В тот вечер они сходили в кино, посидели за столом, а когда легли и занялись любовью, Надя принялась пытаться, почему последние дни хмурый, грубит, не встречаются давно. Сегодня торопится проводить в общежитие.

– Влюбился в кого? – Сева молча обнял Надюшу, поцеловал. – Надеюсь, не одна постель нас связывает. Всё тебе рассказываю, делюсь таким, что подружкам не смею, а ты... Скрытничаешь. Случилось что? – Женским сердцем она догадалась, Севу что-то мучает, а поделиться не решается.

В бригаду Надя пришла прошлой весной с тремя однолетками, выпускницами ПТУ. Женщины взяли над ними шефство. Учили, правда, не столько производственным тайнам, сколько оберегали от парней, которых только в бригаде два десятка, да из соседних повадились наведываться. Надя не выделялась среди других пэтэушниц. Первое время Сева, как бригадир, подолгу не отходил от каждой из них, все они восхищенно смотрели на него. Особенно явно стреляла глазами Надя. Девчонка симпатичная и бойкая, она часто вызывала к своему станку, только бы лишний раз пообщаться. Всех их Сева считал малолетками, о близких отношениях не помышлял. Даже когда Лариса ушла, Сева не отвечал на заигрывания женщин.

Однажды, месяца через три после бегства Ларисы, парни из бригады собрались у него обмывать премию и привели девчонок Катю и Надю. С Катей начинал дружить Сергей, а Надя

напросилась за компанию. Девчонки готовили закуски, соображали горячее – тушенку с картошкой, все, что нашли в холодильнике. Застолье в тот вечер затянулось, и когда расходились, Надя вызвалась помыть гору посуды, загромоздившую общую с соседями кухню. Потом захотела чаю. Посмотрели на часы: половина второго.

– Меня не пустят в общежитие, – радостно объявила она.

– Что мне с тобой делать?

– На полу постелешь, я шубой укроюсь. Завтра воскресенье, рано не вставать, выспимся.

Сева постелил ей на диване, себе приготовил лежанку на полу, благо имелось лишнее ватное одеяло. Едва потушили свет и улеглись, Надя предложила Севе перейти к ней.

– Тебе жестко, холодно, а у меня широко, поместимся.

Детское простодушие или игра, возмутили Севу.

– Тебе сколько лет, Надюша?

– Восемнадцать. А что?

– Пора знать, к чему это может привести.

– Ты вот о чем... Так я не против. Даже с удовольствием. Мальчишкам давно все позволю.

Севе задумался. «Выпил достаточно, но не настолько пьян, чтобы потерять контроль. Малолетка выпила и храбрится. Что если завтра потребует продолжения? Жениться после Ларисы, не собираюсь, тем более на девчонке. Надюшка хороша. На моем месте ни один мужик не отказался бы трахнуть! Заманчиво! А забеременеет?»

Надя прочитала его мысли.

– Иди ко мне! Я таблетки принимаю, чтобы не залететь. Не беспокойся.

– Смотри, какая опытная, таблетки принимает! Женат был, о таблетках не слышал. Жена какие-то пасты использовала, дни знала, когда можно не предохраняться.

– Американские противозачаточные таблетки. Их только на толкучке продают.

После недвусмысленного приглашения, отказываться глупо. Он поднялся, собрал с пола импровизированную постель, и, как был в плавках, лег рядом с Надей. Она обняла и прижалась. Сева поцеловал ее в лоб, она впилась ему в губы. Вырвавшись из объятий, Сева прошептал.

– Не знаю, как быть. – Он, конечно, желал её, но благоразумие пока сдерживало инстинкты. Никаких любовных чувств, даже коснувшись ее тела, чуть прикрытого сорочкой, не испытывал, только животная страсть разгоралась с каждой секундой.

– Какой не смелый! Придется брать инициативу. – Она сняла комбинацию, трусики, бросила все и взялась стаскивать с Севы плавки. Все больше возбуждаясь, он целовал ее маленькие груди, рука продолжала ласкать тело, продвигаясь все ближе к интимному месту. Надя застонала, не в силах сдерживать эмоции.

– Возьми! Возьми меня! Я готова! Не могу терпеть!

Такого бурного проявления страсти Сева еще не знал и испугался. «Что с ней? На почве алкоголя приступ безумия»? А было не безумие, а несдерживаемая страсть сексуально озабоченной акселератки. Она продолжала проявлять активность, взгромоздилась на него, и любовные качели пришли в движение.

Сева блаженствовал. После ухода Ларисы, не имея женщин, и, захваченный страстью, отдался во власть опытной партнерши. Надя на голову ниже Ларисы, с ней всё получалось по-другому. Приятнее. Получал неиспытанное, а может забытое наслаждение. Энергии и неутомимости Надежды хватало на двоих. С короткими перерывами всю ночь они занимались любовью, и заснули к утру.

Первой проснулась Надя, часы показывали час дня. Она оделась, вышла на кухню, что-нибудь приготовить. Нина, увидев гостью, удивилась.

– Звонка не слышала. Ночевала? Не слышала, как пришла.

– Только – что.

– А я подумала, сосед блядюшек начал водить.

Как ни хотелось обматерить Севину соседку, Надя сдержалась. Вернувшись в комнату, пожаловалась Севе.

– Скандальная баба. Хорошо, что не поняла. Растрезвонит на заводе. Причешись, пожалуйста, и оденься по-настоящему. Сегодня воскресенье, ребята могут завалиться. Не хочу, чтобы о тебе говорили.

– Пусть говорят, наплевать.

Сева ругал себя, что вовремя не выпроводил её. «Теперь не отстанет. Как на работе требовать с неё? Польстился на ребенка. С кем переспать всегда могу найти. Достаточно самостоятельных женщин, продолжения не требуют, а Надя...»

После этой ночи Надя еще не раз оставалась, выпроводить не хватало воли. Надя видела холодность Севы, но надеялась приручить, взять его любовь измором. Для него она оставалась сексуально озабоченной девчонкой, с которой приятно заниматься сексом. На роль жены никак не подходила. Он даже объяснил ей это, а Надя не обиделась, продолжала надеяться, что полюбит её.

– Сегодня нам хорошо, не будем загадывать.

Они продолжали встречаться. Изредка ходили в кино, она приходила без предупреждения к нему. Сева продолжал удивляться «Неужели молодых ухажеров недостаточно»?

Ей первой после Гали и Юры, рассказал о родителях. Его исповедь она встретила без эмоций.

– Давно бы поделился, ходишь хмурый. Не виноват ты, и на немца не похож. А письмо напиши. Интересно, что ответит господин Клуге. Может он и не отец.

Поделившись своей болью, Сева уже не так остро переживал, что на половину немец, «фашистское отродье».

Написать господину Клуге не передумал. С преподавательницей немецкого, из вечерней школы, которую давно закончил, Сева продолжал поддерживать добрые отношения. Встречаясь на улице, они обычно останавливались, обменивались новостями. Попросить помочь, не проблема.

Наталья Петровна незамужняя и всего лет на пять старше Севы. До знакомства с Ларисой, Сева даже подумывал, не приударить ли за ней. Судя по взглядам, она не возражала бы.

Наталья Петровна близко к сердцу приняла его историю, поохала, посоветовала не комплексовать и охотно взялась составить послание в Германию.

Ответ из Германии

Отгремели майские грозы, отлетел тополинный пух. В июле Сева получил письмо из Бонна. Г-н фон Клуге признал Севу сыном и писал, горит желанием увидеться. Одновременно с письмом Севе пришло официальное приглашение приехать. Сева не успел обсудить новость с друзьями, как вызвали в городское отделение управления Комитета Государственной Безопасности.

Мужчина, средних лет в штатском, под портретами Ф. Дзержинского и Ю. Андропова, долго расспрашивал Севу о детдоме, почему не живет с Ларисой, как узнал адрес господина фон Клуге. Сева подробно объяснял.

– Говоришь, г-н Клуге отец. Уверен?

– Пишет. Вы же читали.

– Ты его не видел. Любой может назваться отцом. Сомневаюсь, он тебе отец.

– Не пойму, зачем меня вызвали? – вскипел Сева. За границей ни он, ни друзья не бывали, об участии КГБ в подготовке поездки, даже в социалистическую страну, понятия не имели. Чего от него добивались в этом учреждении, понял не сразу.

– Что-то не так в приглашении?

– Спрашиваю здесь я, уясни. Вызвали предостеречь.

Скучный тягучий разговор, во время которого собеседник неоднократно возвращался к сказанному, раздражал Севу.

– Не пугайте, все равно поеду!

– Тебе советуют, а не пугают. Разговаривали бы иначе. Незачем простому советскому парню, недавнему комсомольцу, ехать к бывшему фашисту.

Убедить Севу отказаться от поездки не удалось. Напоследок «товарищ в штатском» сказал, что разговор не окончен, в областном управлении продолжится. Действительно, вскоре пришла повестка явиться в областное управление. Там всё повторилось. Мужчина, тоже в штатском, оказался настроен дружелюбнее к Севе. Не страшал, но тоже не советовал ехать неизвестно к кому.

– Хочешь увидеть границу? В завкоме спроси путевку в Болгарию, да в ту же ГДР.

Уже в Германии, Сева узнал, письмо, с приглашением и разрешение на поездку, получил лишь благодаря вниманию немецких журналистов к его истории. Ответа Севы встретиться с отцом, ждала вся пресса ФРГ, в курсе событий было немецкое посольство в Москве. Не доставить приглашения, не пустить, оказалось невозможно.

О предстоящей поездке, кроме близким друзьям, Сева не собирался кому-либо рассказывать. Однако в маленьком городе секреты не держатся долго. Почтовые ли работники, или кто-то из УВД поделился, на заводе узнали, Васильев едет в ФРГ. Для города это событие, сенсация. Особенно бурно обсуждали новость в цехе.

– Похож на немца. Глаза голубые, волосы почти рыжие.

– Какие рыжие? Пегие!

– Натворит делов бригадир. Собирается убить немца, что изнасиловал мать, представляешь!

– Из-за какого-то ублюдка на электрический стул? Глупости. Никого Севка не убьет.

– Электрический стул в Америке. В ФРГ нет смертной казни.

– Плохо ли свет повидать?

Подходили люди из соседнего цеха и присоединялись к обсуждению. Появился Сева, и разговоры смолкли.

– Чего замолчали.

– Всеволод Иванович, правда, едете в ФРГ? – решила спросить молодая станочница. Сева кивнул. – Зачем, если не секрет?

– Обменяться опытом. Посмотрю, как проклятые капиталисты загнивают, – попытался отделаться шуткой Сева. – Расскажу о нашем житье – бытье, может, кого-то сагитирую в нашу веру.

К разговору подключились пожилые станочники.

– Самого бы не сагитировали, – серьезно заметил степенный дядя Гриша.

– Там умеют! Виски, женщины, стриптиз, – насмешливо поддержал ветерана кто-то из молодых.

– Не насовсем еду. Посмотрю, что за человек, желающий назваться мой отцом. Увижу и вернусь. Отец у меня русский. Попал в плен, потом концлагерь. Встретил там немку и влюбился. Про маму ему сообщили, что погибла в оккупацию, вот и остался в Германии. Побоялся, что отправят в Сибирь, не станут разбираться, как оказался в окружении, а потом в концлагере.

Сева повторил где-то прочитанную историю. Не хотел, чтобы на заводе знали правду. Друзья промолчат, а Надя, если проболтается, ей не обязательно поверят.

В заводское КБ, бывшей жене Севы, с опозданием цеховые новости принесла подружка. Усевшись на высокий табурет, рядом с кульманом Ларисы, делилась новостью:

– Получил разрешение поехать, сечешь? Зачем едет, догадываешься?

– Мы не общаемся, откуда мне знать? – пожала плечами Лариса.

– Убить объявившегося папашу! – радостно, словно отгадала все цифры спортлото, – выпалила подружка.

Лариса сделала вид, её это мало волнует. Краем уха уже слышала, что Сева, оказалось, родился от немца, изнасиловавшего мать в оккупацию. Подробностей и принятого решения бывшим мужем, не знала.

Подружка вскоре ушла, а Ларисе больше не работалось. Рисовала чертиков, вспоминала жизнь с мужем, предупреждения матери, отговаривавшей выходить за Севу.

– Не пара тебе. Работяга... К тому же детдомовский. Все они, знаешь, какие! – Наставляла до свадьбы мать.

– Сдать за два курса и бросить институт... Профессия не нравится, – возмущалась Лариса. – Я, думаешь, в восторге от своей? В нашем городе нет другого института. Решение Севы оставить институт и готовиться к поступлению на заочное отделение университета, – последняя капля, ускорившая их разрыв.

Сева с детства увлекался поисками кладов, раскопками, читал книги по истории, мечтал, когда вырастет, стать археологом. Но всех детдомовцев после восьмого класса отправляли в заводское техническое училище, откуда одна дорога на завод. Добрые наставники старались привить Севе любовь к заводу, к профессии, но не преуспели. Окончил вечернюю школу, по настоянию Ларисы, поступил в вечерний индустриальный институт при заводе, продолжая мечтать об археологии.

С трудом, помощью Ларисы, окончив второй курс, Сева окончательно убедился, будущая профессия технолога по обработке металла не для него. За годы работы освоил все металлообрабатывающие процессы на заводе, хорошо узнал будущую профессию, но полюбить, посвятить жизнь, не мог.

Часто приходилось подменить заболевшего станочника, мог встать за токарный или фрезеровочный, сверлильный или шлифовальный станок. Первым в цехе освоил работу на новом токарном станке с программным управлением. Детали, изготовленные Севой, не уступали работам старых опытных станочников. Он выполнял самую ответственную работу. Получил звание ударника коммунистического труда. Все в жизни складывалось удачно, а радости и удовлетворения, не испытывал. Часто приходила мысль, операциям на станке, можно научить и обезьяну.

– Поступлю в университет, на заочное отделение.

– Тоже мне будущий историк! – насмехалась Лариса. – Свою биографию не знаешь, а туда же – история влечет... Не сможешь учиться заочно.

– Считаешь, мой удел вечно гнаться у станка? Не люблю технику.

– Инженером не будешь гнаться. – Жена не могла понять, как можно, закончив самые трудные первые два курса, оставить институт и мечтать о другом. В университет не верила, профессию историка не принимала всерьез. Знакомые историки работали преподавателями в школе. Шел третий год их совместной жизни, и все явственнее проявлялось: слишком разные они люди.

Детдомовец остаётся детдомовцем, – склонялась она к мысли, задумываясь о будущем. Постоянные поиски справедливости, от которых одни неприятности, стремление все раздать, со всеми поделиться, всех пожалеть. Характер не исправишь. Предложили должность мастера, предпочел остаться бригадиром, работать на станке.

Надоело быть женой работяги, постоянно встречаться с его детдомовскими друзьями. Неожиданно перед Ларисой блеснул лучик надежды изменить жизнь. В командировку, на завод, приехал молодой инженер из столичного НИИ. Вся молодежь женского пола от него была без ума, а он начал ухаживать за ней. Поверила обещанию увезти в Москву, а москвич уехал, и о ней не вспомнил. С Севой полный разрыв. Переживая свои неудачи, она не делала попыток помириться.

Лариса поднялась, посмотрела на коллег, продолжавших колдовать над кульманами.

– Я в инструментальный, если кто спросит. – Предупредила и направилась в цех. Поднялась на стеклянную галерею административных служб, остановилась перед дверью с табличкой «Партбюро цеха», постучала, и, не услышав ответа, вошла.

– Можно, Михаил Кузьмич? – обратилась к пожилому мужчине за столом. Он поднял голову от бумаг.

– Что-нибудь срочное? Зашиваюсь с отчетами.

– Правда, что Васильеву подписали рекомендацию для поездки в ФРГ?

– Почему бы нет? – удивился парторг и снова углубился в бумаги.

– Хочу предупредить, Васильев собирается убить своего родственничка. Международный скандал случится. Когда ему в голову что-то втемяшилось, ничто не остановит. Отомстить решил. Нельзя его пускать.

Секретарь цехового партбюро осуждающе посмотрел на Ларису, встал из-за стола, показывая, что не намерен тратить время на глупый разговор.

– Всё у вас, Лариса Николаевна? Займитесь своими делами. Запретителей достаточно без нас.

Проводы Севы

Проводы Севы получились шумными. В небольшую комнату набилось десятка два заводских и детдомовских друзей. Женщины помогли накрыть стол домашними салатами и соленьями, не только традиционной тушеной картошкой с мясом. Кроме «Столичной» и «Московской», для женщин мужчины выставили белое и красное болгарское вино в длинных бутылках. Галя напекла домашних пирожков, бригада из цеха сбросилась на большой торт.

Тосты в этой комнате обычно произносились за детский дом и воспитателей, за неизвестных родителей. Сегодня прибавились за успешную поездку и благоразумие Севы.

Он, уже навеселе, с рюмкой в руках, рвался произнести тост.

– Спасибо, ребята! Не отвернулись, пришли. Ближе вас у меня никого.

– Родителей не выбирают! – Галя поправила на нем галстук.

– Не было отца, и век не знал бы, – заметил парень из бригады, тоже детдомовец. – Все мы... Я, Василий, Галина, Юрка – дети войны, от кого родились, знаем?

– Вы не похожи на немцев, – не сдавался Сева.

– Ты похож? Оставим тему и выпьем лучше, – предложил Володя. – За наших воспитателей и учителей!

– За любимых и нелюбимых, за всех! – поддержала Галя. – За Стародубский детский дом!

Обсуждение предстоящей поездки Севы продолжилось. Кто-то из детдомовских предложил

– Плюнь и не «езди» никуда!

– Возможно, и не решился бы. Кругломордные очкарики из КГБ своими наставлениями достали. Раз так усиленно отговариваете, пугаете, решил, обязательно поеду.

– Послушайте, что пишет господин Клуге, – стараясь всех перекричать, предложил Юрий, развернув письмо. «Я обязан Лизетт жизнью, она вернула меня с того света. Знай раньше, что у меня растет сын...»

– Фашист так не напишет, – заметила Надя.

Сева предупредил, что на проводы соберутся друзья – детдомовцы, парни из бригады, все взрослые и ей будет неинтересно. Надежда, однако, пришла. Отношения с ней с самого начала тяготили Севу. Разница в возрасте, в интересах – непреодолимый барьер. Подобное испытал с Ларисой. Прекрасно знал, Надя никогда не остается одна, всегда вокруг ребята. Постоянно кто-то провожал, с кем-то ходила на танцы, позже чистосердечно все рассказывала. «Всё ли»? – сомневался он. Посещала мысль, он больше привлекает её как бригадир, дружба помогает скрывать опоздания и прогулы, получать выгодные наряды.

– Много ты видела фашистов? – поддел Юрий.

– Кто знает, может и не отец, а провокация, – предположил другой парень из бригады.

Сегодняшнему поколению не понятны, смешны подобные предположения, но всё это было! В 70-ые годы людей воспитывали: страна в кольце врагов, из-за границы жди одних провокаций.

Костя в окружении женщин, запел под гитару любимую детдомовскую песню и её подхватили. В песне рассказывалось, как пацаны росли, влюблялись и ссорились, клялись никогда не забывать родной дом. Песня знакома большинству, и её подхватили все присутствующие.

Каждый новый взрыв хохота вызывал возмущение соседки за стеной. После того, как Лариса ушла к матери, Нина не оставляла надежды спровадить Севу в общежитие и захватить комнату. Сейчас делилась с мужем.

– Не видать его комнаты, слышишь, как расшумелись! Похоже, не поедет никуда.

– Разбежался он к немцу. Наверняка, передумает. А поедет, надеешься, не вернется?

– Объявись у меня родственник за бугром, не задумываясь, сбежала бы.

Песня за стеной звучит все громче. Ребята поют Высоцкого и Окуджаву. Соседка зло стучит кулаком в стену, призывая уюмониться. Муж показывает ей указательным пальцем у виска.

...Лена считала, все знает о муже. Ездил с ним в Стародубск на юбилейные торжества в детский дом, познакомилась с друзьями детства. Гордилась, что у мужа настоящие друзья. Когда вселились в собственную квартиру, друзья приезжали с женами и останавливались у них. Лена охотно принимала их.

Детский дом Сева вспоминал часто. Рассказывал бесконечные истории из детства, о разных проделках, на которые с друзьями был большим мастером. Вспоминал работу на Стародубском заводе. Только встречей с отцом не решился поделиться. Для Лены оставался детдомовским сиротой.

После поездки в Германию, под предлогом невозможности дальнейшей работы на старом месте, в цехе, где часто изготавливали детали для машин военного назначения, Севу перевели в другой корпус, отобрали комнату. Как детдомовца выбросить на улицу не могли, и переселили в общежитие. Друзья по-прежнему окружали и поддерживали, но Сева чувствовал себя изгоем, мучился настроенным отношением к себе начальства.

Отец, и другие доброжелатели из его окружения, оказались правы. Никому на родине не был нужен. Начали мучить сомнения, что не остался. Всё Марика! Не предала бы... Случайно на глаза попало газетное объявление. Кировский завод в Ленинграде приглашал на работу квалифицированных станочников, обеспечивал благоустроенным общежитием. Сева рискнул, уволился и отправился в Ленинград.

Переехав в Ленинград и, устроившись в заводское общежитие, все свободное время посвящал знакомству с городом и музеям. В Дворцах культуры и клубах слушал открытые лекции, которые в те времена, читались широко. Побывал в Университете, и летом осуществил мечту детства – поступил на отделение археологии исторического факультета Университета.

Занимаясь на втором курсе вечернего отделения, и продолжая работать на Кировском заводе, познакомился с Еленой, студенткой Герценовского института.

В тот день они с подругой Светланой получили стипендию и зашли полакомиться пирожными в «Север» на Невском. Там оказались за одним столиком с Севой и его однокурсником Володей. Разговорились, вместе вышли из кафе. Теплый апрельский вечер, наступающие белые ночи располагали к продолжению знакомства. Парни представились студентами. Девчонки не поверили, пришлось объяснить, что поздно поступили учиться, после сверхсрочной службы в армии. Прогулялись по Невскому, проводили Светлану на Садовую, потом Лену, на канал Грибоедова, где жила. В субботу снова назначили встречу в «Севере».

Света застряла с курсовой работой, и не могла пойти на свидание, одна Лена не решилась. Единственной встречей знакомство и закончилось бы. Но судьбе, оказалось угодно им встретиться.

Первого мая, когда университетская колонна прошла через Дворцовую площадь, Лена дворами, через Невский, пробивалась домой. Ожидая своей очереди пройти мимо трибуны, колонна Кировского завода, в эти минуты еще стояла на Невском, и Сева, увидев её, остановил. Признался, что учится на вечернем отделении, а днем работает на Кировском заводе.

Договорились сегодня же встретиться позже, у Казанского собора. Лена пришла со Светланой, надеясь, Сева приведет Володю, с которым познакомилась в кафе. А Сева пришел с букетом и один. Цветы ее тронули, редко кто из поклонников – студентов, разорялся на цветы. Спросила:

– А где ваш приятель?

– На праздники домой в Выборг уехал. Вы же не предупредили, что Света тоже придет.

Лена колебалась, как быть. Подруга нашлась, сказала, что ее ждут у сестры. Они проводили Свету до метро и, по Невскому, с потоком гуляющих, направились к Неве. В первые минуты Лена стеснялась его, Сева казался слишком серьезным, рассудительным. Но продолжить встречи, подумала, можно, парень приличный, интересный собеседник. Не похож на студентов – ухажеров и ее потянуло к нему. Говорили о последних фильмах, спектаклях в БДТ. А историю знаменитых ленинградских домов, оказалось, знает лучше неё, коренной горожанки. В это первое свидание не хотелось расставаться, но обещала родителям к двенадцати быть дома. К концу вечера, он уже не казался строгим и серьезным, как вначале. Простой и милый парень. Простились у парадного, Сева держался скромно, не полез целоваться, как другие её поклонники. В воскресенье договорились встретиться днем и пойти в ЦПКиО.

В семидесятые годы Ленинград наводнили «лимитчики», некому стало работать на заводах, строить новые жилые микрорайоны и город охотно принимал иногородних. Лена знала, их следует опасаться, они так и норовят окрутить, жениться на местной девушке с пропиской, и осесть в городе. Когда Сева признался, что приезжий, детдомовец, живет в общежитии, Лена уже по уши влюбилась. Отступить было поздно. Познакомила с родителями, Сева им понравился, озадачило лишь, что старше дочери, и был уже женат.

Родители жили в однокомнатной квартире, поселиться в общежитие к Севе тоже нельзя, и около года они снимали комнату. Позже, Севе, хорошо зарекомендовавшего себя, как передовику производства, дали комнату в заводском семейном общежитии.

Часть своих отпусков на заводе, отгулы за переработку, он вместе с университетскими учеными кафедры, посвящал археологическим экспедициям по Ленинградской области. На перспективного студента обратили внимание в Ленинградском Институте археологии АН СССР и пригласили на работу. После окончания Университета, Севу звали остаться работать на кафедре, он выбрал институт археологии.

Заводское общежитие пришлось освободить. Молодая семья опять скиталась по съемным квартирам. Бытовые неурядицы не отравляли жизнь влюбленной паре. Лена заменяла маму, была первой женщиной, которая заботилась о нем как о ребенке. С ней делился мыслями и проблемами, она с первого дня совместной жизни, искренне разделяла увлечения Севы. Ездил с ним на раскопки, вместе переживала неудачи и успехи.

В институте Сева завоевал уважение ведущих ученых, и они помогли вступить в жилищный кооператив. В те времена задача не легкая, даже, если накопил денег. Лена была тронута бескорыстием Севиных друзей, собравших им огромную, по тем временам, сумму для вступления в кооператив.

...События, с которых начались перемены в жизни, медленно воскресали в памяти, когда Лена потребовала объяснить, кто такая Марика. В начале совместной жизни, умолчал о немецкой одиссее, позже повода не находилось. Да и нужно ли жене знать, что родился от немецкого оккупанта? Неожиданное письмо Марики застало врасплох. Время стирает память, но не у него. Счастливые дни их короткого романа не забылись, хотя лет прошло немало. Он счастлив с Леной, души не чает во внуке Никите, сыне Василии и жены его Людмиле, а Марика изредка продолжает сниться.

Их короткая любовь – основная причина, почему за годы совместной жизни, Сева не решился рассказать жене о своих приключениях в семидесятом году. Что отец немец, мог бы, наверное, признаться. Опустить встречи с Марикой – вспоминать нечего, жена замучает расспросами, и невольно проговоришься. А рассказать – лишиться части своего прошлого, принадлежащего только ему и никому больше, – оправдывал он себя.

– Пришло приглашение, а они еще решали, пускать – не пускать, – возмутилась Лена, когда Сева рассказал о событиях, предшествующих поездке.

Рассказал не все. Не помянул Надю, как в дальнейшем опустит многое, связанное с женщинами.

– Знала бы, сколько анкет, характеристик и рекомендаций пришлось заполнять, переписывать, согласовывать. Время, какое было!

Москва, отъезд

...Заграница для Севы началась с Киевского вокзала в Москве. Едва он с добровольным экскурсоводом по столице, оказался на перроне, их окружила толпа иностранных корреспондентов. До этой минуты Сева не встречал ни одного иностранца. Засверкали вспышки, к Севе потянулись микрофоны, посыпались вопросы. Спрашивали, как узнал адрес отца, простил ли мать, трудно было получить разрешение на поездку, намерен ли остаться у отца или вернется. Сева едва успевал отвечать. С благодарностью подумал о Сереге, молодом парне, вызвавшемся проводить его. Он предугадал вопросы, с которыми лезли настырные корреспонденты.

Сергей, представился «журналистом из Сибири, приглашенным работать в Москву». Не имея пока постоянного жилья, оказался соседом Севы по двухместному гостиничному номеру. Новый знакомый держался по-дружески просто, вызвался стать гидом по столице, сводил на Красную площадь, в магазин «Дружба» на улице Горького, где приобрели русско-немецкий разговорник. Делился опытом своих поездок за границу, и давал советы, как держаться там, отвечать на вопросы журналистов, которые наверняка будут их задавать, смеялся, рассказывал анекдоты. Сева не сразу догадался, где работает «журналист», со слишком настойчивыми советам на все случаи жизни за границей.

Избавиться от Сергея и назойливых журналистов, помог попутчик по вагону, поторопивший Севу войти. Перед дверьми уже скопилась очередь. В вагоне он спросил, чем Сева вызвал интерес у толпы иностранных корреспондентов. Сева пожал плечами и ничего не ответил. Позже они познакомились, и Сева объяснил. Попутчиком оказался советский журналист Евгений Бутузов, возвращающийся из отпуска на работу в Германию.

– Откуда они всё знают про меня? – в свою очередь спросил его Сева.

– Едешь в Германию, журналисты, в большинстве, немецкие. Естественно, знают твою историю. Сенсационный материал. Жаль, мне нельзя использовать наше знакомство. История тянет на голливудскую мелодраму.

Много позже, возвратившись в Стародубск, когда заводское радио и многотиражка отменили интервью с ним о ФРГ, Сева вспомнил горестное замечание своего попутчика «Жаль, мне нельзя воспользоваться». В Германии его история вызвала широкий интерес, у женщин слёзы. Читателям страны победившего социализма, советские идеологи посчитали не этичным знать подобные факты из истории Второй Мировой войны.

Остались позади хлопоты и переживания, связанные с отъездом. Второй день из окна международного экспресса Сева смотрел на чужую землю. Зеленые ухоженные поля, маленькие чистенькие городки, с обязательными островерхими костелом или кирхой. С интересом разглядывал настоящую Европу, совсем не похожую на ту, что показывали по телевизору в «Клубе кинопутешествий». Большую часть времени размышлял о последних событиях, нарушившихся сложившийся уклад жизни, представлял встречу с человеком, волей судьбы оказавшимся отцом, размышлял, как больше разузнать о матери.

...Шли последние часы путешествия, когда из соседнего купе пришел прощаться попутчик Евгений Бутузов. Заметив в руках Севы закрытый разговорник, спросил, много ли выражений выучил.

– Не... Не запоминается, – признался Сева новому знакомому. В Стародубске он успел купить карманный русско-немецкий двойной словарь, в Москве – разговорник. Всю дорогу вспоминал слова и выражения, которым когда-то учили в школе, пытался запомнить новые, но в голову ничего не лезло. Из школьного курса помнил совсем немного. В вечерней школе и в институте к изучению языка относились формально.

– Выучить тысячу слов, чтобы понимать элементарное, не сложно.

– Не пропаду, – самоуверенно ответил Сева. – Полтысячи знаю, с грамматикой, правда, сложнее. Надеюсь, пойдем друг друга.

– Ну-ну! – Всю дорогу Бутузов опекал Севу. Знакомил с обычаями немцев, учил словам, дал свою визитную карточку с боннским адресом, и пригласил заходить без церемоний в любую минуту. Поезд тем временем вошел в Кельн. За окнами показались старые готические здания и современные небоскребы, виденные лишь в кино, эмблемы известных фирм, реклама. Проплыл позеленевший от времени бронзовый всадник. Промелькнули фермы моста, и поезд сбавил ход. По фотографии в разговорнике, Сева узнал громаду Кельнского собора. Вскоре собор и дома с рекламами остались позади, поезд медленно вполз под крышу вокзала.

Встреча с отцом

До последней минуты Сева размышлял как вести себя, встретившись с г-ном Клуге, и, действительно ли он отец. Поезд остановился, сердце учащенно забилося. Первым из вагона вышел Бутузов и сразу попал в объятия женщин. Встречающих на перроне немного. Сева не увидел никого, кто мог быть господином Клуге. Но вот, к вагону подошли немолодой высокий стройный мужчина с молодой женщиной в джинсовом костюме, с короткой стрижкой, какие делали девчонкам в детдоме, опасаясь вшей, и остановились в ожидании выхода остальных пассажиров. За ними устремилась толпа корреспондентов с фото и телекамерами. К встречающей паре их не подпускали четверо полицейских. Сердце подсказало: мужчина в строгом сером костюме и есть отец – господин фон Клуге.

Ему около шестидесяти, энергичен, по-юношески подтянут, быстр в движениях.

– Василёв – окликнул он Севу и, не дождавшись ответа, заключил в объятия, проследил за ним.

– Guten Morgen, Herr Kluge! Ich bin Wsewolod Vasiljew oder Sewa. Sind Sie sicher, dass ich Ihr Sohn bin? (*Доброе утро г-н Клуге. Я Всеволод Васильев. Вы уверены, я ваш сын?*) – старательно проговорил Сева, выученные по разговорнику фразы. Молодая женщина рядом с отцом, оказалась переводчицей.

– Амалия – представилась она и сказала, что г-н Клуге на сто процентов уверен, ты его сын. – Московские корреспонденты нашли и прислали твою детскую карточку. Мать г-на Клуге признала сходство с сыном в детстве.

Тем временем толпа корреспондентов, прорвала полицейскую преграду, кино и телеоператоры принялась фотографировать, снимать г-на Клуге с Севой, тянули микрофоны.

Сева старался соблюсти подобающее моменту выражение лица. Лощеный аристократ никак не походил на сложившийся в воображении образ отца. Объявись отцом Егор Иванович, Сева без оглядки бросился бы на шею. Однако, продолжая рассматривать незнакомца, объявившегося отца, делал приятные открытия. Добрая улыбка г-на Клуге, располагающая внешность все больше импонировали ему. Господин фон Клуге, тоже разглядывал Севу, улыбался и вытирал слезы. В эту минуту Сева понял мать. Что она видела в своей, оторванной от мира, глухой деревне? Отец так прекрасно выглядит сегодня, а десятилетия назад? Вполне могла полюбить.

– Ich bin froh, sich mit dir zu treffen (*Рад вас видеть*). Закончил признанием: Es war alles, was ich Deutsch sagen kann. (*Больше по-немецки не знаю*).

Г-н Клуге и переводчица рассмеялись. Отец обнял Севу и прижал к себе, махнул полицейским, чтобы не сдерживали корреспондентов, и они вмиг окружили их. Засверкали вспышками блицы, посыпали вопросами, тянули микрофоны г-ну Клуге и Севе. Г-н Клуге долго отвечал на каждый вопрос, а Сева произносил всего одну фразу, подсказанную в поезде советским журналистом: Entschuldigen Sie bitte, ich waehrend habe nichts zu sagen. (*Мне нечего пока сказать*). Кто-то из корреспондентов спросил по-русски:

– Счастлив, что нашел отца?

– Да, конечно!

– Тебя не хотели выпускать из России?

– Меня никто не держал.

Амалия переводила патрону ответы Севы. Посчитав, что достаточно времени уделили прессе, г-н Клуге взял сына под руку, и, сопровождаемые корреспондентами, они покинули вокзал, вышли на привокзальную площадь, где их ждал длинный черный «Мерседес». Переводчица села рядом с шофером, Сева с отцом заняли заднее сидение, и машина резко рва-

нула с места. Мимо стремительно понеслись площади и старинные здания, уютные скверики. Машина ныряла в туннель, снова вырывалась на широкое шоссе.

Перед приездом Севы, г-н фон Клуге целый месяц занимался с Амалией русским языком, освежил скудные былые знания и сейчас, несмотря на присутствие переводчицы, не выпускал из рук разговорника.

– Бригадир на заводе, – повторил он. – Кто есть бригадир?

– Der Brigadier. Der Vorgesetzte des mittleren Nivea us. Der kleine Vorgesetzte über den Arbeitern im Betrieb. Не высокого ранга начальник над группой рабочих, – перевела Амалия.

– У меня двадцать пять человек в подчинении. Токари, фрезеровщики. Организую им работу, – гордо прибавил Сева.

Амалия перевела, г-н Клуге согласно закивал и что-то сказал Амалии.

– Г-н Клуге пояснил, у него на заводах тоже имеются токари и фрезеровщики.

Сева удивился. Не мог представить этого элегантного господина в своем цехе, с постоянным смрадом, копотью и чумазыми работягами. На других заводах не бывал.

– Спросите, кем отец работает на заводе?

Амалия улыбнулась и ответила сама.

– Господин Курт фон Клуге член Совета директоров фармацевтического концерна «Клуге & Мейер». Под его правлением два десятка заводов в разных городах Германии и в других странах. Тысячи рабочих.

«Ого! – подумал Сева, – Выходит, он капиталист. Неужели, правда, отец?». Директора своего завода Сева видел лишь издали, на праздниках и митингах, а тут директор рядом с ним, в одной машине. Да какой директор! На память неожиданно пришел детский стих «Владелец заводов, газет, пароходов... Чудеса, да и только! Расскажу дома друзьям – не поверят».

В мечтах отец представлялся молодым бравым сержантом в гимнастерке с орденами, напоминал Василия Теркина с картины Нестерова «На привале». С годами отец виделся добрым старичком – пенсионером в очках и всё еще в линялой гимнастерке, как дядя Ваня – первый наставник на заводе. Но, ни как, ни моложавым светским мужчиной непонятного возраста.

Остались позади городские кварталы, и машина вырвалась на автобан Кельн – Бонн, водитель прибавил скорость. Несколько минут быстрой езды, и снова пришлось сбросить скорость, машина неслась уже по улицам Бонна.

Свернули на тихую улочку, спускающуюся к Рейну, и остановились перед кованными металлическими воротами. Вышел шофер, нажал кнопку электронного устройства и ворота открылись. Машина понеслась по широкой аллее парка с мостками и клумбами, за деревьями мелькнула голубая гладь бассейна. Закончилась аллея двухэтажным зданием с колоннами, у него и остановились.

Встречать гостя на крыльцо вышла старая фрау фон Клуге в сопровождении домоуправляющего и прислуги. Отец представил Севу. Фрау протянула руку то ли для поцелуя, то ли пожатия. Сева смущенно пожал ее. Фрау фон Клуге неловко его обняла и спросила, как доехал.

– Ich frohe Mich, Sie zu sehen. (Рад вас видеть).

– Добро пожаловать в дом папА, – медленно выговорил г-н Клуге, заранее выученную фразу.

С помощью Амалии Сева еще раз поблагодарил г – на Клуге и его мать, повторил, что доехал хорошо, всем доволен. Старая фрау, за ней остальные вошли в дом.

Внутри дом оказался просторнее, чем смотрелся снаружи. Отец с Амалией и домоуправляющим привели Севу в подготовленные для него апартаменты. «Прямо гостиничный люкс» – подумал он, вспомнив, как однажды ездил с заводской баскетбольной командой на соревнование в областной центр, и там, их шестерых, поселили в похожий по размерам трехкомнатный гостиничный люкс. Здесь все предназначалось ему одному. «Живут же, люди!» – подумал Сева. Огромная гостиная с телевизором и музыкальным центром, массивные кресла, стол большой

и стол для газет и журналов, лимонное дерево с плодами, какие-то огромные, вечно цветущие растения под потолок в изящных ящиках, книжная полка с десятком русских книг.

– Сон не будет – читать надо. – Сказал по-русски г-н Клуге, заметив удивленный взгляд сына на русские книги.

Амалия помогла разобраться, как включать телевизор и радиоприемник, пользоваться музыкальным центром, ставить грампластинки и аудиокассеты.

– Здесь много русских пластинок, – объяснила. – Г-н Клуге выписывал со всей Европы.

Заглянули в спальню, где тоже имелись телевизор и магнитофон, открыли дверь в ванную комнату с большой ванной с бронзовыми кранами в середине, а не в торце, к которым привык дома. Целая квартира! Да что там квартира – именно апартаменты, как назвала переводчица. У его друзей Гали с Юрой, трехкомнатная квартира в знаменитом доме – сталинке, предел мечты горожан, в три раза меньше, определил Сева. Отец предложил отдохнуть с дороги, принять ванну и переодеться. Амалия открыла шкаф, показала приготовленный ему гардероб одежды, заверила, что все подобрано по фигуре, должно подойти.

Г-н Клуге посмотрел на часы, и напомнил, в семь зайдет Амалия и поведет на обед.

Переводчица с отцом вышли, а Сева поторопился в туалет и ванную. Кругом все сверкало зеркалами и золотом бронзы, белоснежная ванная так и манила. Дома больше пользовался душем, ванна всегда требовала предварительной капитальной чистки, он и соседи практически ею не пользовались. Нина стирала в ней белье, мыла половую тряпку. Сева разделся и с наслаждением лег в ванну. Сгибать колени не пришлось, размеры позволяли вытянуть ноги, и еще осталось место. После долгой дороги, неудобного вагонного умывальника, приятно было понежиться в теплой воде. Рядом на полочке красовалась батарея разноцветных флаконов и баночек. Сева по очереди открывал их, вдыхал потрясающие ароматы, один приятнее другого, намылил шампунем голову. Когда собрался вылезать, попался флакон с пеной для ванны, напомнивший подобное гэдээровское средство «Бадусан», каким пользовалась жена. Использовать решил в следующий раз.

Вытерся полотенцем, размером с простыню, высушил волосы, и решился примерить приготовленные ему джинсы и джинсовую куртку. Все оказалось впору, словно снимали мерки. «Интересно, как узнали мои размеры»? Позже Амалия объяснила. Отец через московских друзей узнавал его размеры.

Покрасовавшись перед зеркалом в джинсовом костюме, он переоделся во все свое. С собой взял всё лучшее, что имел, кое – что купил перед отъездом. Воспользоваться предложенной одеждой, едва приехал, посчитал неприличным. Не из тундры, достаточно зарабатывал, чтобы нормально одеваться. Джинсового костюма – заветной мечты стародубской молодежи, пока не имел, но вполне обходился. В магазинах джинсы не продавались, приобрести подделку – самопал на рынке не хотел.

До семи оставалось время, и Сева еще раз обошел «апартаменты», в которых предстояло жить, включил телевизор. Очень понравился пульт дистанционного переключения программ, а их – не пересчитаешь. Такое устройство видел в кино, в Стародубске подобной новинки еще ни у кого не имелось, и программ всего две.

Первые проблемы возникли в столовой. Испугала сервировка стола. Выросший в послевоенное время, в обеденном этикете Сева не был силен. Да и слова «этикет» не слышал, пока не покинул детский дом. Как пользоваться многочисленными приборами не знал, держался неуверенно, чувствовал на себе постоянные взгляды. Многие, выставленные на столе, хотелось попробовать, а приходилось отказываться. Исподтишка наблюдал, какими ножами – вилками пользуются отец и Амалия.

После обеда все вышли в смежную комнату – гостиную курить. Сюда же официанты или лакеи принесли соки и кофе.

Познакомить сына с домом, отец взялся сам и не выпускал из рук разговорника. Амалия безмолвной тенью двигалась следом. Прошли через анфиладу комнат и коридоров. Остановились в бильярдном зале – огромной комнате со столом в центре. «Нам бы такой стол в общежитие», – позавидовал Сева. В Стародубске играть на бильярде Севе не доводилось.

– У нас в Доме культуры и в профилактории имеются бильярдные столы. Подойти к ним новичку невозможно. Вокруг стола постоянно толпа, играют на деньги и пиво. Мне даже попробовать ни разу не позволили, – объяснил Сева через Амалию. Отец пообещал научить Севу.

– Стол в твоём распоряжении. Уверен, быстро научишься, – помогла боссу переводчица.

Отец показал, как держать кий, загонять шар в лузу. Амалия не понимала тонкостей игры, и Сева не столько слушал её, сколько действовал по наитию. Отец подыгрывал, старался разбивать шары, чтобы они выстраивались в удобную для сына комбинацию. Игра в спокойной обстановке, никто не стоял за спиной, не торопил, способствовали первым успехам Севы.

Следующее удивление Сева испытал в зимнем саду. Поразили экзотические растения, настоящие лимоны на ветках, пальмы, хоть и без фиников. В вольерах заливались незнакомые птицы в ярком оперении.

Переводчица Амалия произвела на Севу впечатление, ещё на перроне вокзала. С каждой минутой нравилась всё больше. Поразила добросердечным отношением, манерой общения, словно они старые друзья. Сева решился рассказать о затруднениях за столом. Амалия не удивилась просьбе, и взялась просветить. За ужином незаметно подсказывала, какими приборами и бокалами пользоваться, как что есть. Её уроки помогли уже через несколько дней чувствовать себя не так скованно, как впервые оказавшись за столом в доме отца.

Обилие впечатлений и встреч в первый день, сморили Севу. Отец увидел, сын устал. Вместе с Амалией проводил его в спальню. На прощание ласково потрепал по щеке, поцеловал в лоб.

– Спать, спать, – произнес по-русски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.